

Анастасия Иванова

Северная Ведьма

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Иванова А.

Северная Ведьма / А. Иванова — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Веб-дизайнер Андрей Климов получает заказ: придумать и нарисовать персонажей для компьютерной игры в стиле древнеславянского языческого экшна. Главная отрицательная героиня долго не удастся ему, а когда наконец нужный образ найден, загадочная женщина является ему в реальной жизни с целью сообщить нечто важное.

© Иванова А., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Постепенно угасал промозглый осенний день. Небо с низко висящими тучами, из тяжелых подбрюший которых то и дело проливался на город холодный колючий дождь, из грязно-серого превратилось в почти черное. Темные провалы окон мокрых домов там и сям загорались уютным желтоватым светом. В большом доме сталинской постройки к наступлению сумерек почти не осталось неосвещенных оконных прямоугольников. И только квартира на пятом этаже была по-прежнему темна и как будто необитаема. Впрочем, внимательный взгляд какого-нибудь наблюдателя, если бы такой вдруг нашелся, непременно заметил, что два окна из пяти светлее остальных, как будто в комнате горит крошечная тусклая белая лампа. Так оно и было в действительности, только источником света была не лампа, а монитор компьютера, в который сосредоточенно смотрел мужчина примерно тридцатипятилетнего возраста. Правой рукой он что-то рисовал на планшете, в левой тлела уже готовая погаснуть сигарета. Через некоторое время мужчина откинулся на спинку стула, прищурясь, критически посмотрел на изображение в мониторе, поднес к губам сигарету и попробовал затянуться. Подоженный конец окурка красновато вспыхнул, будто агонизируя, и сигарета окончательно погасла. Мужчина с отвращением ткнул его в пепельницу, устало провел рукой по лицу, вздохнул и решительно удалил изображение, над которым просидел несколько часов.

– Проклятая баба! – вырвалось у него.

Мужчина встал, потянулся, хрустнул суставами пальцев и прошелся по комнате. Он был высок и худощав, с длинными ногами и руками, одет в мятую футболку и джинсы; небольшие, близко посаженные глаза покраснели и были полуприкрыты отеками от напряженной работы веками, крупный нос на худом, с выпирающими скулами лице над пухлыми губами как будто еще больше заострился и выдался вперед; пепельно-русые волосы на правой стороне головы лежали прямо вниз, закрывая ухо, а слева были всклокочены. Причудливость прически объяснялась просто: когда он работал, всегда сосредоточенно и вдумчиво, – правой рукой рисовал, а пальцы левой запускал в шевелюру, взлохмачивая волосы, или держал сигарету. Чем напряженнее была умственная деятельность, тем более растрепанный вид принимала голова. Сегодня был один из немногих дней, когда растрепанность была доведена до крайней степени и с левой стороны волосы уложились в подобие вороньего гнезда. Мужчина выглянул в окно, обнаружил, что давно уже наступил вечер, вздохнул и утомленно опустил плечи.

Андрей Климов был довольно успешным веб-дизайнером. Помыкавшись пару лет после окончания архитектурной академии по нескольким большим и малым дизайнерским фирмам, он понял, что подбирать обои к диванам и наоборот и зонировать пространства убогих советских квартир или чудовищно спроектированных загородных домов ему мучительно скучно. К тому же работа по интерьеру предполагала довольно плотный контакт с заказчиками. Климову, по натуре довольно закрытому человеку, почему-то особенно везло на нуворишей – людей богатых, но малообразованных, с напрочь отсутствующим вкусом. Разработать интерьер во всех деталях с мельчайшими подробностями было ему куда легче, чем объяснить клиентам, почему он именно так видит то или иное интерьерное решение. Заказчики считали себя умнее исполнителя со специальным образованием. Андрея все это очень раздражало. Он уставал, злился, даже какое-то время выпивал. В конце концов ему попало на глаза объявление о наборе на курсы компьютерного 3d-моделирования. Климов позвонил по указанному номеру скорее от отчаянья, но учебная программа неожиданно показалась ему интересной. Он внес необходимую сумму, посетил три первых семинара и понял, что нашел занятие по душе.

Дело быстро пошло в гору. Климов брался за любую работу. Оформление сайтов, иллюстрации, виртуальные открытки, несколько раз какие-то оригиналы заказывали аватарки. А неделю назад ему предложили действительно интересный заказ: придумать и нарисовать персонажей для компьютерной игры.

Сценарий Климову понравился: это был средневековый славянский мистический экшн, построенный на языческой мифологии. Климов не разбирался в славянском язычестве, но

даже ему быстро стало понятно, что текст написан очень осведомленным в данной теме, к тому же литературно одаренным автором. Персонажи были прописаны так подробно и живо, что особых затруднений у Климова не возникло. Споткнулся он лишь в самом конце, на главной отрицательной героине. Кем она была задумана, Климов не понял: то ли сама богиня смерти Морена, то ли ее жрица. В голове никак не складывался нужный образ. Когда он обратился за разъяснениями к заказчику, тот отмахнулся: «Делай, как знаешь». Но дотошному и аккуратному Климову не хотелось смазывать хорошую работу одним халтурным штрихом, и он продолжал биться над злодейкой. Поиски в интернете тоже ничего не дали: попадались главным образом плохо нарисованные изображения теток в псевдорусских костюмах, стилизованные под модное нынче фэнтези, или разномастные вариации Снежной Королевы. Климов плюнул и решил работать по наитию, но очередная попытка нарисовать героиню «из головы», предпринятая сегодня, провалилась. В животе требовательно и громко заурчало, и он понял, что было бы неплохо чего-нибудь перекусить.

На кухне царило запустение: гора грязной посуды в раковине и на столе, неопрятные пятна разнообразной расцветки, фактуры и формы покрывали все горизонтальные поверхности, включая подоконник и верхнюю панель холодильника. С тех пор, как от Климова ушла жена, он готовил крайне редко, посуду мыл только тогда, когда не мог найти ни одной чистой кастрюли или тарелки, а уборку не делал вообще ни разу. В быту Климов был довольно неприхотлив. В нем уживались педантичность и любовь к мелочам в работе и абсолютное безразличие к домашним удобствам. Он не обращал внимания на немытую посуду и грязную скатерть, пыль, лежащую по углам и собственный пожеванный внешний вид. Единственное, что его огорчало – чистая посуда и еда в холодильнике имели отвратительную привычку заканчиваться слишком, по его мнению, часто и в самый неподходящий момент.

Климов уныло оглядел руины с засохшими объедками, вздохнул, открыл холодильник, впрочем, без особой надежды: он знал, что внутри пусто и грязно точно так же, как вчера, позавчера и неделю назад. Настроение окончательно испортилось. Неожиданно в комнате записали звонок скайпа. «Кого еще там принесло!» – с неудовольствием подумал Климов. На мониторе светилась довольная загорелая физиономия закадычного друга Сани. Фотография была новая, не знакомая Климову. Приятель позировал на фоне роскошного отеля на морском берегу. Багровое солнце за его спиной наполовину утонуло в океане. Кадр дышал негой и спокойствием. Прямо открытка из рая. «Снова где-то отдохнул. Умеет жить, говнюк!» – отметил Андрей и нажал кнопку «принять».

– Привет, старик! – расплылся в улыбке Саня. – Как жизнь? Хандришь, как всегда?

– Зато ты веселишься за троих, – не удержался Климов. – Каждый месяц новая фотосессия. Когда ты успеваешь? И где берешь столько бабла?

– Я, друг мой, умею наслаждаться жизнью. И тебе настоятельно советую делать то же самое, – не переставая ухмыляться, сказал Саня. – Так и быть, открою секрет: ездить куда-то каждый месяц необязательно. Одного раза в год вполне достаточно. Главное – показывать не все фотографии. Понимаешь, о чем я?

– Нормальный ход, – кивнул Климов.

– И любой бабе можно голову заморочить. Они это любят, – довольно закончил приятель. – Но вернемся к тебе. В данный момент я наблюдаю на твоей физиономии уныние и зависть, значит, настроение никудышное.

– Ты прямо оракул, – съязвил Климов. Но Саня его не дослушал и радостно перебил:

– Так я вовремя! Есть предложение смотреть сегодня в «Бочку», выпить чего-нибудь и отдохнуть. Что думаешь?

– Ну, не знаю, – с сомнением сказал Климов.

– У тебя дома все равно тлен и грязь. Жратвы нет. Телок тоже. А у Вадика – и блюда, и напитки, и девочки, – тархтел Саня.

– По девочкам это ты у нас специалист, – осклабился Климов. – А вот поесть я не против. Когда сбор?

– Через полчаса, – ответил Саня.

– Давай, – кивнул Климов и отключился.

Выбор заведения объяснялся просто: в баре «Пороховая Бочка», где обычно собирались друзья, работал барменом Вадик, по прозвищу Толстый. Все трое когда-то учились в одном классе и были, как говорится, не разлей вода. После школы все одноклассники рассеялись и потерялись, разбросанные по миру разнообразными жизненными обстоятельствами, и только Саня с Вадиком и Климовым по-прежнему сохраняли довольно теплые дружеские отношения.

Приблизительно через час после разговора с Саней Климов вошел в «Бочку», где было уже многолюдно, шумно и довольно сильно накурено. Не успел он снять промокшую куртку, как сквозь гомон до него донеслись приветственные вопли друзей. Саня уже сидел у барной стойки с полным стаканом какого-то темного напитка, рядом стояла тарелка с нарезанным лимоном, и Климов понял, что Саня пьет любимый коньяк. «Эстет хренов», – с улыбкой подумал про себя Климов. Саня вполне соответствовал этой характеристике: невысокий, худощавый и подтянутый, одет он всегда был броско и по последней моде, причем любая одежда сидела на нем безупречно. Образ дополняла стильная стрижка и дорогая – «трехсотдолларовая», как любил приговаривать ее хозяин – борода, на щеках переходящая в не менее скрупулезно подстриженные бакенбарды. Забавно контрастировал с ним высоченный двадцатипятилетний, покрытый разноцветными татуировками Вадик, со школы носивший прозвище Толстый. Его руки с курчавыми светлыми волосами напоминали два небольших кузнечных молота. Абсолютно лысый, с круглым черепом, Вадик больше всего походил на сказочного татуированного великана. На мясистом лице между небольших, глубоко посаженных глаз возвышался крупный нос. Светлая борода мелкими колечками оплетала ярко-красные толстые губы и, редая на щеках, заканчивалась у козелков больших ушей. Устрашающая внешность компенсировалась добрым характером: Вадик был абсолютно беззлобным человеком, охотно и много смеялся по любому поводу. Даже когда ему приходилось брать на себя функции вышибалы, его лицо не покидало добродушное выражение. Оба приятеля широко улыбались и махали руками. Климов замахал в ответ и на душе у него стало тепло и радостно.

– Здорово, мужики! – крикнул он.

После кратких энергичных объятий и рукопожатий Климов взгромоздился на стул.

– Чего пить будешь? – спросил Вадик.

– А поесть не предложишь, что ли? – осведомился Климов. – Жрать охота – сил нет никаких.

– Это можно, – кивнул Вадик. – Схожу к поварам, узнаю, что у нас осталось из съестного, вы почикайте пока тут, – и удалился.

– Как творчество? – спросил Саня. – Хорошо нынче живется дизайнерам?

– Если и хуже, чем историкам, то ненамного, – успокоил его Климов.

– Значит, норм, – улыбнулся Саня.

Тем временем вернулся Вадик.

– Из нормальной еды есть отбивные с овощами и пельмени. Все остальное придется ждать минут сорок.

– Давай отбивную, – сказал Климов. – Пельмени мне и дома до чертиков надоели.

– Глеб! – заорал Вадик в подсобку. – Две отбивные с овощами! А пить-то что? – снова повернулся он к Климову.

– Давай пивка какого-нибудь темненького для начала, а там посмотрим.

– Пиво – дело! – обрадовался Вадик. – Королевский напиток.

– Плебеи, – поморщился Саня. – Пиво – напиток не королей, а немецких безработных.

– Тебе как историку должно быть известно, что пиво – очень древний и благородный напиток, – назидательно произнес Вадик, наливая в кружку пенистую жидкость. – И вообще: не любишь пиво – не люби его молча. Я вот коньяк твой не люблю, но предпочитаю не трещать об этом на каждом углу.

– И совершенно напрасно! – повысил голос Саня. – Потому что коньяк, особенно с тонким ломтиком лимона, – венец творения.

– Не ссорьтесь, девочки, – примирительно произнес Климов, отхлебывая из кружки. – Алкоголизм от пива или коньяка ведет к одному и тому же: циррозу печени и распаду личности.

– Правильно! – подхватил Саня. – Выпьем за умеренность.

– Прекрасный тост! – поддержал Климов. Они чокнулись и выпили.

– А как же ты, оплот любителей пива? – спросил Саня, довольно щурясь с ломтиком лимона во рту.

– На работе не пью, как будто не знаешь, – ответил Вадик. – Момент, кажется, отбивные подоспели, – и отошел.

– Зануда, – махнул рукой Саня и обратился к Климову. – Андрюх, ты неважно выглядишь. Усталый какой-то, помятый... С Татьяной никаких подвижек?

– Нет, – мрачно сказал Климов. – Ты не в курсе, что ли? Официально нас развели месяц назад. С тех пор мы не виделись. И вообще, я не хочу об этом говорить.

– Что ты лезешь к нему? – вступился вернувшийся Толстый и поставил перед Климовым тарелку с дымящимися отбивными. – Ешь и не слушай этого пижона.

Саня развернулся спиной к барной стойке, облокотившись на нее локтями, и закинул ногу на ногу, покачивая в воздухе блестящим ботинком. Он умудрялся не запачкать до блеска натертую обувь даже в самую раскисшую слякоть.

– Это еще раз доказывает мою теорию о том, что все беды от женщин, – значительно произнес он. – Бабы – вот настоящее мировое зло, а вовсе не какие-то там масонские или сионистские заговоры.

Климов с Вадиком переглянулись, и Толстый подмигнул. После этого оба подперли кулаками подбородки и изобразили сосредоточенное внимание: Климов даже тарелку отодвинул. Саня обожал разглагольствовать о врожденной женской порочности. Друзья знали о его слабости, потихоньку подшучивали над ним, но слушали с интересом: Саня умел занимательно болтать практически о чем угодно.

– Я вам сейчас докажу. Начнем с азов, друзья мои, – Саня отхлебнул коньяку, сморщился, закусил лимоном и довольно крикнул. – Большинство мифологических сюжетов разных народов, а это, как мы знаем, есть историческая память человечества, содержат сказания о том, что женское начало есть зло. Возьмем, ммм, к примеру, вавилонян и их миф о создании мира. Носительница тьмы и хаоса, богиня моря Тиамат – женщина. Кто ее победил, а значит, победил и первозданный хаос? Мужчина, бог Мардук. У греков очень похоже: там, правда, никто никого не убивал, но все зло – керы, Танат, Эрида, Немесида – порождения женской природы.

– Керы – это кто? – спросил Климов. Он остался в одиночестве: Толстый отошел, чтобы налить кому-то пива и лекцию слушать перестал.

– Керы – древние божества смерти, архаичные богини такие, в поздних греческих пантеонах почти не встречаются, – пояснил Саня и продолжил. – У евреев опять же в Книге Бытия живописуется грехопадение людей. Причина кто?

– Яблоко? Или, может быть, змей? – невинно спросил Климов.

– Ева, – устало махнул рукой лектор.

– А может, эти сказки придумали обиженные бабами мужики? – предположил Климов. – Вот представь: жил себе в древнем... эээ... ну пусть Вавилоне неказистый внешне мужичонка. Ржа рябая, ножки кривенькие, глаз косит. Но зато фантазер необычайный, рассказчик – заслу-

шаешься, из тех, кто не соврет – красиво не расскажет. И вот влюбляется он в какую-нибудь вавилонскую красотку. А она, естественно, смотрит на него, как на таракана, пальцем тычет и ржет: «Посмотри на себя, убогий, а потом на меня, ну, что, по Сеньке шапка?» Фантазер оскорбится и сочинит сказку про Хаос-бабу, всемирное зло. Всем расскажет, приукрасит, как он умеет, а дураки запомнят и детям-внукам расскажут.

Однако Саню это предположение отнюдь не позабавило.

– Если тебе угодно, могу привести реальные исторические примеры, – высокомерно произнес он.

– Да ладно, Сань, – примирительно похлопал его по плечу Климов, и тут его осенило. – Слушай, ты в славянской мифологии разбираешься?

– Немного, – кивнул Саня. – А что?

– Дело вот в чем. Мне тут заказали работу одну: придумать персонажей для компьютерной игры. Заварушка происходит в Древней Руси, языческой. Ну, там, Свароги, Перуны всякие, богатыри, нетопыри, кикиморы и прочая нежить. Главная злодейка там – баба...

– Умные люди сценарий писали, – удовлетворенно вставил Саня, но Климов не слушал его и продолжал:

– Заказчик не пояснил, кто она: то ли сама богиня смерти, то ли ведьма какая-то, то ли жрица ее, если были они у древних славян, не знаю... В общем, как ее изображать – ума не приложу. Может, подскажешь что-нибудь?

– Мда... Сложно придумывать, когда не знаешь, что, – задумался Саня. – А чем она занимается?

– Руководит злыми силами, а в самом конце крошит в капусту главного героя и его армию, – сказал Климов. – Заклинания, молнии, стихийные бедствия...

– А, ну тогда речь идет, скорее всего, о какой-то ведьме, – рассудил Саня. – Сама Морена до стихийных бедствий не опускалась. У нее другие функции были. Слушай, Андрюх, у меня идея сейчас возникла: может быть, что-то наподобие гоголевской панночки из «Вия» нарисовать? Вполне языческий персонаж. Кстати, в Малороссии языческие обряды и суеверия до сих пор кое-где сохранились. Понятно, под православным соусом, но все таки...

– Идея интересная, но у меня действие на севере происходит, – сказал Климов. – Надо обдумать.

– Еще лучше! – обрадовался Саня. – На севере самые вольные язычники были, новгородцы – лихой народ, разбойничий и своенравный.

Тем временем вернулся Толстый.

– Сердечные мои, что скучаем? Может, освежить вам огненную воду?

– Давай, родной, – нестройным хором ответили приятели и вечер не спеша покатился дальше.

Из «Бочки» Климов вышел уже далеко за полночь весьма нетрезвым. Несмотря на это обстоятельство голова работала хорошо. Весь вечер друзья болтали о всякой всячине, но Санина мысль о панночке засела в мозгу и Климов так и сяк крутил ее, примеряя между делом на свою работу. Чем больше он думал в этом направлении, тем больше ему нравилась идея. Ведьма-панночка, ожившая утопленница или ее душа – как раз то, что он долго и безуспешно искал.

Климов дошел до дома пешком, несмотря на дождь, и хмель окончательно выветрился у него из головы. Нужный образ ведьмы оформился окончательно – осталось только перенести его на монитор компьютера. Наспех закрыв за собой замок входной двери, он скинул промокшую куртку на пол, нетерпеливо выдрал ноги из потяжелевших от сырости ботинок и кинулся к компьютеру. Рука, не отрываясь, летала по планшету, а на экране оживала женщина с распущенными волосами цвета воронова крыла, в длинной, до пят, белой рубаше, с изящными длиннопалыми кистями на тонких руках. Лицо бледное, бескровное; изгибы черных бровей

придают выражение величавости; нос небольшой, прямой, с маленькими хорошо очерченными ноздрями, губы тонкие, сложенные в презрительную усмешку: то ли арабка, то ли турчанка, то ли татарка, то ли славянка из южных краев – похожа на всех красавиц сразу и не похожа ни на одну. И только глаза ее, белые, сверкающие белки без зрачков, будто слепые, выдавали в ней жуткую, потустороннюю природу. Климов закончил работу, оглядел ведьму и довольно крикнул:

– Хороша, чертовка! Ай да Саня! Молодца!

Он посмотрел на часы – стрелки показывали половину третьего ночи. «Однако, засиделся я что-то», – подумал Климов. Он сохранил изображение, выключил компьютер, добрал до кровати и тяжело рухнул на нее, не раздеваясь. Сон сморил его мгновенно.

Через некоторое время Климов проснулся от онемения в руке, которая оказалась неловко подвернута под тело. Он тяжело заворочался, освобождая конечность, повернулся и... замер. У окна, повернувшись к нему лицом, стояла Ведьма, точь-в-точь такая, какой он ее нарисовал несколько часов назад – длинноволосая, в рубаше до пят. Лица в темноте видно не было, но на темном овале явственно обозначались мертвые глаза без зрачков, неярко светящиеся беле-совато-зеленым, как болотные огоньки, светом. Ведьма смотрела прямо на Климова своими жуткими бельмами и не двигалась. Климов ощутил, как в животе стало противно щежотно от внезапно возникшей пустоты, и колотящееся сердце стало проваливаться в эту образовавшуюся у него внутри черную дыру. Тело так отяжелело, что даже дышать было трудно. Он поднял трясущиеся руки и начал судорожно нащупывать выключатель ночника над кроватью. Безуспешно – выключатель будто исчез. Время остановилось. Климов видел только женский силуэт с двумя светящимися пятнами вместо глаз, которые буравили его насквозь, и беспорядочно хлопал ладонями по стене в поисках спасительного выключателя. Вдруг ему показалось, что существо у окна покачнулось и двинулось к нему. Не отрывая глаз от Ведьмы Климов нащупал проклятую кнопку, нажал ее, и комната осветилась тусклым светом, а оконный проем из светлого стал черным. Ведьма исчезла.

– Фу ты, черт! – выдохнул Климов. Руки его по-прежнему тряслись. Он провел ладонью по лицу и обнаружил, что оно совершенно мокрое от пота, как будто его окатили водой из ведра. На негнувшихся ногах добрал до кухни, придерживаясь за стены, чтобы не упасть, первым делом зажег свет, плюхнулся на стул и наконец отдышался. В темном окне как в зеркале отразилось его лицо: всклокоченные волосы, помятая кожа и безумные бегающие глаза со следами только что пережитого ужаса.

– Заработался я, надо бы отдохнуть, – нарочито громко произнес Климов, но его голос прозвучал, будто чужой, хрипло и низко, и Климову снова на миг стало жутко. Заставить себя вернуться в комнату прямо сейчас он не мог. На глаза попалась немытая еще с утра турка, и Климову очень захотелось сварить и выпить чашкукрепчайшего кофе. Через пару минут по квартире разнесся кофейный вкусный запах. Климов закурил, налил в чашку обжигающий горький напиток, подошел к окну, отхлебнул глоток и выглянул во двор. Небо понемногу начало светлеть, ночь подходила к концу, из темноты уже вырисовывались контуры многоэтажных прямоугольников с редкими желтыми маячками окон, силуэты скелетов деревьев, уже сбросивших листья, детская площадка с мокрой песочницей и качелями, грязные и будто продрогшие автомобили на газонах у подъездов. На город надвигался новый день. Климов не понял, сколько времени простоял у окна, но когда он сделал второй глоток, было уже совсем светло, а кофе стал совершенно холодным. В голове было пусто, мысли исчезли все до единой. Только тогда он почувствовал, насколько устал, поставил на подоконник недопитую чашку и побрел в комнату. На этот раз он разделся, хотя чувствовал себя гораздо более разбитым, чем ночью, забрался под одеяло с головой, свернулся калачиком, поджав ноги к самому подбородку, и провалился в черный липкий сон без сновидений.

Проснулся Климов довольно поздно: за окном уже начало вечереть. Он потянулся за сигаретами, прикурил, и ночное явление теперь показалось ему просто алкогольным кошмаром. «Надо быть аккуратнее с выпивкой», – решил он. – «Нельзя столько пить».

Климов включил компьютер, еще раз взглянул на законченную работу и остался доволен: заказ можно было сдавать. Ведьма была особенно хороша, но по спине Климова пробежал неприятный холодок. Он с опаской бросил взгляд в сторону окна, но там, разумеется, никого не было. Климов обругал себя и отправил клиенту готовый материал. Тот ответил неожиданно быстро, минут через десять. Письмо содержало кучу благодарностей за качество и оперативность. В конце послания заказчик обещал перевести деньги на счет Климова в ближайшие дни.

– Славно! – потер руки Климов. Оговоренное вознаграждение было бы очень кстати.

Не зная, чем еще себя занять, Климов побродил по квартире, посидел за компьютером, просмотрел несколько новых заявок, но ни над одной работать не начал: ничего интересного не было. Такие заказы он выполнял за один, максимум два дня. Зазвонил мобильник. Климов вздрогнул и заглянул в экран. Звонила Татьяна, бывшая жена.

– Привет! – буднично поздоровалась она, как если бы звонила из магазина уточнить, что купить к ужину. Будто не разводились.

– Привет, – озадаченно ответил Климов.

– Чем ты планируешь заняться сегодня вечером? – спросила Татьяна.

– Ну... Вообще-то, ничем, – сказал Климов. – А что?

– Не паясничай, – одернула его бывшая. – Я хотела к тебе заехать.

– Да? – протянул Климов. – Зачем?

– Не переживай, я ненадолго. Хочу забрать свои вещи и заодно кое-что обсудить, – сказала Татьяна.

– Интересно, какие? – осведомился Климов, закуривая. – Ты же выгребла все более-менее ценное. И некоторые вещи, насколько я помню, не были ни лично твоими, ни нашими совместно нажитыми.

– Что ты хочешь этим сказать? – оскорбилась Татьяна. – Ты считаешь, я тебя ограбила? Что, по-твоему, я забрала не своего?

– Именно так, ограбила, – подтвердил Климов. – Украла мои лучшие годы.

– Прекрати. Я заеду в восемь, – отрезала бывшая и отключилась.

До приезда Татьяны оставалось два часа. Климов огляделся – квартира его представляла собой жалкое зрелище. Холостяцкая берлога в худшем смысле этого слова. Андрей понимал, что Татьяне все равно, как он живет, но давать ей повод втихомолку позлорадствовать или, еще хуже, пожалеть его, он не мог. Надо было навести порядок. Он запихнул в шкаф валявшуюся на диване и креслах одежду, заправил постель, вытер пыль с компьютера и со стола, грязную посуду спрятал в пустующий холодильник, переоделся в наименее заляпанную и мятую футболку, замыл на джинсах пятна от кофе и уселся ждать. Часы показывали семь тридцать. Климов заметил переполненную окурками пепельницу, вытряхнул ее и тщательно промыл. Семь тридцать две. Одернул складку на шторах. Семь тридцать две... Делать больше было нечего. Климов с неприятным удивлением обнаружил, что нервничает, будто пригласил Татьяну на свидание. Чтобы хоть как-то скоротать время, он обошел квартиру еще раз и остался доволен: даже после уборки на скорую руку она выглядела вполне пригодной для проживания и даже в каком-то смысле уютной. Потом Андрей подошел к зеркалу, попробовал снисходительно улыбнуться, скрестив руки на груди, и принять расслабленную позу счастливого человека. Получилось неубедительно. Он вздохнул, стер с лица натянутый оскал, махнул рукой и вернулся в комнату. Татьяна еще даже не приехала, а он уже чувствовал себя разбитым. Климов на мгновение малодушно подумал, что было бы неплохо убежать из дома, а перед тем позвонить Татьяне и придумать какой-нибудь повод. Но тут же одернул себя и решил все таки выяснить, зачем он ей сегодня понадобился.

Тем временем минутная стрелка на часах доползла до двенадцати и перевалила на новый круг. В пять минут девятого в квартиру позвонили. Климов заглянул в глазок: за дверью стояла Татьяна. В новом пальто, облегающем полноватую, но красивую, с волнующими изгибами фигуру, с уложенными в прическу волосами и при макияже. «Ничуть не изменилась, даже похорошела», – отметил он про себя и понял, что теперь волнуется по-настоящему: руки мелко затряслись и на лбу выступил холодный пот. Татьяна снова позвонила, на этот раз более нетерпеливо. Климов вздохнул и открыл дверь.

– Привет! – поздоровался он и посторонился, пропуская гостью внутрь.

– Я ненадолго, – бросила она, вошла, сняла пальто и быстрым движением поправила волосы перед пыльным зеркалом в прихожей. – Мне нужны мои фотографии и мамин фарфоровый чайный сервиз. Где это все?

– В шкафу, в крайней правой антресоли, – сказал Климов. Татьяна прошла в комнату и оттуда донесся ее недовольный голос:

– Ты вообще пыль здесь не вытирал? Испачкала платье... Ты не меняешься.

Она появилась через секунду с действительно очень пыльной коробкой в руках и фотоальбомом под мышкой, сложила все у зеркала и спросила:

– Куда можно пройти побеседовать?

– Ну хочешь, на кухне посидим, – сказал Климов в спину уже направляющейся в сторону кухни Татьяне. Когда он вошел, она уже сидела на краешке стула, неестественно прямо держа спину. Лицо бывшей жены было непроницаемо, и лишь сжатые плотно губы выдавали некоторое волнение.

– Чай или кофе? – спросил Климов.

– Нет, спасибо, – ответила Татьяна. – Сразу к делу. Сядь.

Климов послушно сел. Татьяна помолчала немного и сказала:

– Мне нужно жилье. Нам негде жить.

– А я чем могу помочь? – удивился Климов. – Снимите что-нибудь.

– Ты не понял, – понизив голос, глядя ему прямо в глаза, отдельно произнесла Татьяна. – Нам нужно жилье. Собственное.

– Тебе деньги, что ли, нужны? – продолжал гадать Климов, не понимая, к чему она клонит.

Татьяна вздохнула, искала глазами сигареты, бесцеремонно вытащила одну и закурила.

– Нет. Нам с Володей нужна своя квартира. Или комната. У него, как ты знаешь, жилья нет. У меня тоже. Поэтому я решила разменять твою. Или вселиться сюда.

Андрей заморгал, пытаясь осознать всю чудовищность ситуации. Он еще надеялся где-то в глубине души, что бывшая жена пошутила. Татьяна продолжала:

– Я советовалась с юристом. Квартиру своей матери приватизировал ты, и собственником ее являешься по закону. Но это произошло, пока мы были женаты. То есть после развода я могу претендовать на жилплощадь. Предлагаю тебе два варианта: либо мы меняем эту квартиру, и у нас всех будет свое жилье, либо мы с Володей вселяемся сюда.

– Ты... – Климов задохнулся от возмущения. – Ты совсем сбрендила со своим хахалем? С какой стати я буду разменивать квартиру или устраивать из нее дом терпимости?

Вне себя от ярости он со всего размаху грохнул кулаком по столу так, что пепельница, куда Татьяна стряхивала сигаретный пепел, подпрыгнула с жалобным звоном, и обозвал бывшую жену алчной дурой и нимфоманкой. Лицо ее перекосила злобная усмешка. Она вмяла окурок прямо в стол идеально наманикюренными пальцами и прошипела:

– Я подозревала, что ты идиот. Теперь я в этом наглядно убедилась. Не хочешь договариваться по-хорошему, встретимся в суде.

Не глядя на бывшего мужа, Татьяна вышла из кухни, с силой хлопнула дверью, отчего стеклянные вставки на ней затряслись, и через пару секунд ее каблучки застучали по ступенькам в подъезде.

– Стерва! – крикнул ей вслед Климов. – Хрен тебе, а не квартира! Гвоздя ржавого тебе отсюда не вынести, тварь!

Он еще некоторое время бегал по квартире и ругался, потом внезапно вспомнил, как волновался перед приходом Татьяны, как в глубине души, сам себе не признаваясь, надеялся на примирение и, чем черт не шутит, возобновление отношений, и ему стало гадко. Климов остановился у зеркала, внимательно посмотрел на свое отражение, надел куртку и вышел из квартиры.

Погода стояла чудная. Вечер плавно переходил в ночь, на небе тускло мерцали белые точки звезд. Подморозило; под ногами хрустели скукоженные коричневые листья и тонкий ледок на мелких грязных лужах. В воздухе стоял запах поздней осени – свежесть первых заморозков, перемешанная с густым пряным запахом палой листвы, увядшей травы и земли. Климов вдохнул этот воздух, так сильно контрастирующий со спертым духом квартиры, и ему полегчало. Злоба ушла, на ее место пришла грусть. Он вспомнил, как когда-то давно познакомился с этой женщиной, тогда еще очень юной, с которой хотел прожить всю жизнь, как верил ей, как им было хорошо вместе. Они понимали друг друга, берегли и любили. Да, любовь была. Так когда же, – думал он, – они прошли ту точку невозврата, когда уже ничего нельзя было исправить? Почему Татьяна из ангела превратилась в злобного демона, который не остановится ни перед чем, чтобы достичь своей цели? Чем он так сильно провинился перед ней, что теперь она даже не видит в нем человека? А ведь они прожили вместе больше десяти лет... И тут ему в голову пришла такая очевидная мысль, что он внутренне рассмеялся. Ну конечно! Татьяна так же, как когда-то его, любит своего Володю. Бывшая жена Климова была не из тех женщин, которые, разлюбив опостылевшего супруга, живут с ним из жалости или из других каких-то соображений. Прямолинейная, бескомпромиссная, с абсолютно негибким сознанием и раз и навсегда устоявшимися принципами, Татьяна иногда напоминала ему разогнавшийся железнодорожный состав, сметающий все, что стояло на пути. С ненужными людьми она рвала сразу и без сожалений. Климов знал об этой черте ее характера, но никогда не мог подумать, что и с ним она поступит точно так же. Татьяна бывала очень сентиментальной, могла заплакать, увидев на улице больную собаку или ребенка-инвалида. Впрочем, подумал Климов, сентиментальность свойственна жестоким людям. Прошлое не имело для нее большого значения. Она всегда жила исключительно в настоящем. И сейчас ей нужно было гнездышко, в котором она могла бы беспрепятственно ворковать со своим новым сожителем. Ради этого желания она без труда и угрызений совести переступила через бывшего мужа и точно так же, не задумываясь, оттяпает квартиру. Как человек он для Татьяны больше не существует. И надо было придумывать, как от нее теперь защититься.

Климов не знал тонкостей гражданского законодательства, но понимал: раз Татьяна пришла к нему с таким вызывающе наглым предложением, значит, какая-то возможность для этого у нее нашлась. Несмотря на всю узость мышления, бывшая жена никогда не была душой и наверняка посоветовалась со знающим человеком. У Климова такого знакомого не было. «Придется нанимать адвоката со стороны», – подумал он. – «Она наверняка постарается довести дело до суда».

Вдруг до его руки дотронулось что-то мокрое, холодное и лохматое. Климов вздрогнул, отдернул руку и увидел, что к нему подбежала взъерошенная псина и смотрит в лицо, всем видом показывая свое к нему расположение.

– Привет! – потрепал ее по холке Андрей. Собака взвизгнула и еще чаще забила по бокам длинным хвостом. – Ты бездомная, что ли? Нет, вроде, вот ошейник...

– Чарли! Чарли! – послышался окрик. – К кому ты опять пристаешь? Домой!

Чарли оглянулся, потом виновато посмотрел на Климова, мол, поболтал бы еще, но пора, хозяин суров, и убежал, быстро исчезнув в темноте. Андрей проводил его взглядом. «Хоть собакам я еще нравлюсь», – подумал он, закурил сигарету и отправился домой.

Компьютер почему-то был включен, хотя Климов отлично помнил, что выключал его во время уборки. На мониторе в окне браузера была открыта электронная почта с неп прочитанным письмом от заказчика персонажей для компьютерной игры. Климов открыл его, но вместо текста все поле, до нижней границы экрана, занимали два слова, повторенные бесчисленное множество раз: «за ним». «Может, вирус какой?» – подумал Андрей. Он запустил внеплановую проверку компьютера антивирусной программой и попытался удалить письмо, но оно, будто заколдованное, не подчинялось ни одной команде – ни мыши, ни клавиатуре, хотя остальные письма легко перемещались и удалялись. Тем временем антивирусник закончил работу и отразпортовал об отсутствии найденных угроз и уязвимостей. Климов еще раз попытался удалить загадочное письмо, но не смог и перезагрузил компьютер. После перезагрузки сразу, безо всяких предупреждений, снова появилось окно браузера с тем же письмом, и весь экран снова запестрел странными словами «за ним». «Да удались ты!» – разозлился Климов и стал бестолково тыкать мышью на кнопку «удалить». Никакого эффекта. «Провались все пропадом!» – выругался он, выключая компьютер. – «Разберусь с тобой завтра».

Утром история с письмом продолжилась. Как только Климов включил компьютер, так же, как и вчера, сразу открылось окно с электронной почтой. Злополучное письмо не исчезло, наоборот, оно будто скопировало себя несколько раз. Попытка удалить сообщения снова ни к чему не привела. Он закурил, набрал номер клиента, с адреса которого приходили уже порядком поднадоевшие ему послания.

– Аллю! – ответил бодрый мужской голос.

Климов откашлялся.

– Доброе утро. Дизайнер беспокоит, Климов.

– Здравствуйте! Что случилось? Какие-то проблемы с денежным переводом? – спросил голос.

– Нет, с оплатой все в порядке, – поспешил заверить Андрей. – Я по другому вопросу.

– Слушаю, – слегка удивились на том конце провода.

– Видите ли, с вашего электронного адреса второй день подряд мне приходят подозрительные письма, очень похожие на спам-рассылку, – начал объяснять Климов.

– Спам-рассылку? – переспросил голос. – Сейчас проверю.

Андрей услышал, как тот защелкал мышкой. Тем временем в окне его электронной почты письма с того же адреса и с тем же необъяснимым содержанием продолжали прибывать.

– Аллю, вы слушаете? – спросил заказчик.

– Да-да, – откликнулся Андрей.

– У меня все в порядке. Никаких вирусов, троянов, фишинговых атак и прочего за последние пару месяцев не зарегистрировано. Все спокойно.

– Но письма с вашего адреса мне приходят прямо сейчас! – удивился Климов.

– Давайте так, – после некоторого раздумья сказал клиент. – Если кто-то взломал мой ящик и шлет спам или письма с вирусами, то он должен это делать по всем адресам, указанным в моей адресной книге. Я сейчас же наберу еще нескольким людям и узнаю, происходит ли у них что-то подобное. И, разумеется, приглашу кого-нибудь из айтишников. Пусть разберутся. По результатам отзвонюсь.

– Жду, – ответил Климов и повесил трубку.

Письма приходили десятками. Иногда какое-нибудь письмо открывалось само, и тогда экран заполнялся все теми же словами «за ним». Антивирусник молчал, как будто ничего особенного в компьютере не происходило. Это начинало раздражать. Климов принудительно отключил интернет и пошел на кухню перекусить.

Когда он вернулся в комнату и снова сел за компьютер, сердце упало куда-то в желудок, а руки затряслись сами собой. Несмотря на отключенную сеть проклятые письма все прибывали и прибывали. Он смотрел на экран, на котором с секундным интервалом появлялись все новые послания, и чувствовал, что деревенеет. Когда зазвонил телефон, Климова подбросило на стуле и он чуть не свалился на пол. Звонил заказчик.

– Еще раз добрый день! Мы все проверили, никаких проблем нет. Любые вредоносные воздействия извне полностью исключены, – тараторил голос. – Другие адресаты подтвердили, что никакой рассылки с нашей почты не получали... Алло! Алло! Вы слушаете меня?

– Я... слышу... – с трудом облизывая пересохшие губы шершавым языком, просипел Климов, и, не дослушав, положил трубку.

Немного придя в себя, он попытался закрыть окно с письмами, но, как и раньше, не достиг успеха ни одним известным ему способом. Компьютер вел себя вполне обычно, за исключением того, что его невозможно стало перезагрузить. Антивирусник молчал. И только непонятные сообщения множились, самостоятельно открывались и бессмысленно призывали куда-то «за ним». Климов потянулся к шнуру, включенному в розетку, чтобы выключить машину из сети, как вдруг в последнем письме вместо текста пришла фотография. Больше всего она напоминала сканированный газетный снимок 60-70х годов, только вместо улыбающегося ударника соцтруда или процветающего советского колхоза на нем была изображена деревня. Что его зацепило, Климов сразу не понял, однако было что-то странно тревожное в этом изображении. Он вгляделся и увидел, что улица между домами пуста и даже пустынна, нигде нет ни одной живой души: ни взрослых, ни детей, ни домашних животных, даже птиц вроде голубей или воробьев, что почти всегда случайно попадают в кадр. Окна во многих домах были открыты, кое-где рамы выломаны и висели на одной петле, однако ни одно стекло не разбилось. Калитки и ворота плотно заперты. А за поселком, в отдалении, виднелись чахлые деревца. Несмотря на то, что, судя по обильной растительности в палисадниках и по обочине дороги, было лето, на деревьях за деревней листвы не наблюдалось совсем, да и ветви со стволами были кривыми и тонкими, выморочными. То ли болото, то ли выгоревший лес после большого пожара. Мертвая деревня у мертвого леса. Жуткое зрелище. Вдруг Климову показалось, что прямо по фотографии, между домов, пробежала неясная тень. Он невольно вскрикнул, и, сам не понял, как, выдернул вилку питания компьютера из розетки. Экран погас. В комнате повисла глухая тишина. Андрей мутным взглядом обвел комнату, с трудом справляясь со сбившимся от ужаса дыханием. «Что за чертовщина тут началась?» – подумал он. Впервые ха долгое время ему стало по-настоящему страшно. Ведьма, материализовавшаяся из компьютера, письма неизвестно откуда, непонятно как попадающие ему на электронную почту при отключенном соединении к интернету, фотография вымершей деревни... Объяснить все это рационально Климов не мог. «Почему я?» – носился в голове тоскливый вопрос, за которым неизменно шел следующий: «Что теперь делать?» В какой-то момент он подумал о том, чтобы продать квартиру. Но тут же ему вспомнился визит бывшей жены, и Климов разозлился. «Нет уж!» – мстительно подумал он. – «Слишком хорошо все складывается для голубков, нацеливающихся на мои квадратные метры». К тому же внутреннее чутье подсказывало, что дело вовсе не в квартире. «Может быть, у меня галлюцинации?» – догадался Климов, и неожиданно эта мысль его успокоила. Ему не очень хотелось становиться сумасшедшим, но факт помешательства, если бы он оказался правдой, хоть как-то объяснил всю произошедшую с ним чертовщину. Включать компьютер он не рискнул, вышел в интернет через мобильный телефон и в поисковой строке набрал «Признаки душевных расстройств». Первая же ссылка разочаровала его. Какой-то профессор, светило психиатрии, во введении к своей монографии писал: «Первый признак душевного заболевания – исчезновение или отсутствие критической оценки своего состояния. Иными словами, психически больные люди никогда не признают

себя таковыми, потому что любой бред или галлюцинация для них абсолютно реальны и не подвержены сомнениям». Выходило, что Климов не псих, и снова никакой ясности ситуации.

– Утро вечера мудренее, – сказал он вслух, чтобы приободриться и нарушить давящую тишину пустой квартиры. – Надо успокоиться. Нужен допинг.

В аптечке из успокоительных средств нашелся только «Успокоительный сбор №4», который покупала Татьяна еще в то время, когда жила здесь. У нее иногда были трудности с засыпанием. Климов повертел в руках пачку, открыл, вдохнул запах сушеных трав, смешанных и упакованных в бумажные саше, вынул пару и бросил в кружку. Затем налил в заляпанный, когда-то белый, а теперь грязно-желтый пластмассовый электрочайник, воды из крана на одну порцию, чтоб быстрее закипела, и нажал на кнопку. Через несколько секунд кипяток был готов. Он налил дымящейся жидкости в приготовленную кружку, отчего саше надулись и всплыли, а по кухне разнесся запах валерианы, чабреца и мяты. Осторожно ступая, чтобы не пролить кипяток на руки или ноги и не спуская с кружки глаз, Климов прошел в комнату, поставил питье около кровати, а сам разделся, аккуратно разложил вещи в шкафу, и лег в кровать, завернувшись в одеяло, как в кокон. Пить горячий чай лежа было неудобно, и Климову пришлось чуть изменить положение тела на полусидячее. «Вот теперь отлично!» – похвалил он сам себя, прихлебывая горячую темно-желтую ароматную жидкость. То ли травы так хорошо подействовали, то ли он так сильно устал, что не заметил, как допил чай и погрузился в одуряющий, тяжелый сон.

Через некоторое время ему отчего-то стало холодно. Климов ворочался, поджимал ноги к животу, но согреться не мог. В конце концов он почувствовал, что его бьет озноб, и разлепил веки. Прямо перед ним у кровати снова стояла Ведьма и, не мигая, смотрела ему в лицо. Именно от нее исходил ровным потоком тот самый могильный холод, который Климов почувствовал сквозь сон.

– Ааа... – шепотом только и смог выдохнуть Андрей. Крик застрял где-то в горле. Он судорожно забил руками и ногами, пытаясь хоть немного отодвинуться от призрака, но тело не слушалось. Ноги будто отделились от него и совершали хаотичные движения, сминая и скидывая постельное белье на пол, а пальцы рук царапали грудь до крови, вырывая кусочки кожи. Боли Климов не чувствовал, он видел и ощущал только жуткое существо рядом с собой. Вдруг Ведьма наклонилась прямо к лицу Климова, отчего светящиеся болотные светло-зеленые огоньки, заменяющие ей глаза, приблизились вплотную, а на месте рта появилась зияющая черная дыра, из которой дохнуло на Климова мертвечиной, травяной и древесной гнилью. «За ним», – прошепестела она, наклонила чуть голову и повторила: – «За ним».

– Ааа... – снова просипел Климов. Что было дальше, он не помнил. Когда сознание полностью вернулось к нему, он обнаружил себя на улице, в не застегнутой куртке, мятых джинсах и легких летних мокасынах, уже довольно сильно промокших от грязной снежной каши, по которой он шел. Вокруг высились незнакомые многоэтажки неизвестного ему микрорайона. Никогда раньше в этих местах бывать не приходилось. Климов похлопал себя по карманам, и обнаружил в одном из них мятую пятисотрублевую купюру, в другом мобильный телефон. Замерзшими пальцами, испачканными засохшей кровью, он набрал номер Сани. Трубку долго никто не снимал, а потом сонный голос друга медленно произнес после глубокого вздоха:

– Аллю!

– Сань, привет, – хрипло поздоровался Климов и раскашлялся от ледяного предзимнего воздуха, попавшего в легкие.

– Чего тебе не спится, черт? Четвертый час утра, – недовольно спросил Саня.

– Слушай, можно я к тебе приеду? – клацая зубами от холода, спросил Климов.

– Прямо сейчас, что ли? – опешил друг.

– Да, прямо сейчас. Надо, – ответил Климов.

– Приезжай, – растерялся Саня. – Ты далеко?

– Я не знаю, – честно ответил Климов. – У меня пятьсот рублей есть, поймаю тачку, докинешь, если не хватит?

– Ну ты даешь, – окончательно проснулся Саня. – Докину, какой разговор. Приезжай.

Климов отключил телефон, сунул его во внутренний карман, застегнул куртку, втянул голову в плечи, руки засунул в рукава как в муфту, пытаясь согреться, и побрел искать проезжую часть, стараясь не проваливаться в особенно глубокие лужи. За углом ближайшего дома лежала пустынная, освещенная желтыми фонарями улица с уходящими вдаль гаражами по одной стороне, и унылыми одинаковыми многоэтажками с другой. Климов постоял немного в надежде, что проедет какой-нибудь бомбила-полуночник, но никого не было. Он окончательно замерз и, поеживаясь, побрел по обочине. Минут через двадцать за спиной раздался гул мотора. Климов обернулся и поднял руку. В глаза резанул свет ярко-синих неоновых фар и автомобиль, разбрызгивая жидкую осеннюю грязь, промчался мимо. Климов машинально отскочил, еще больше сжался и побрел дальше. Еще минут через пять он увидел фары «шестерки» и снова поднял руку, голосуя. Водитель заметил его, нажал на тормоз и замигал огоньком поворота. Поравнявшись с Климовым, «шестерка» остановилась, стекло пассажирского сиденья опустилось и из салона показалась улыбающаяся из густой черной растительности физиономия водителя-южанина.

– Куда подвести тебя? – спросил он.

Климов назвал адрес Сани.

– Сколка дашь? – осведомился водила.

– А сколько надо?

– За тысячу павезу, меньше нет, далеко, – нахмурил косматые брови южанин.

– Ладно, – кивнул Климов, дернул ручку двери и плюхнулся на заднее сиденье прогретых жигулей.

Водитель что-то спрашивал у него дорогой, но Климов настолько замерз и измучился, что почти сразу, как только немного согрелся, стал проваливаться в сон. Автомобиль, покачиваясь на неровностях дороги, еще больше усыплял его. К концу пути он так крепко заснул, что водителю пришлось даже слегка хлопнуть его по щеке.

– Эй, дарагой, ты пьяний, что ли?

– Приехали уже? – с трудом разлепляя глаза, спросил Климов.

– Да, вот твой дом, денги давай, – сказал водитель.

– Вот, возьми, – протянул Климов мятую купюру.

– Эээ, ты чего, на тысячу договорились! – возмутился водитель и потянул руки, чтобы схватить его за куртку.

– Да погоди ты клешни тянуть, сейчас позвоню другу, будет тебе тысяча. Не убегу я, не боись, – отмахнулся Климов и набрал номер Сани. – Сань, спустись, и пятисоткухвати, будь ласков.

Саня ничего не ответил и положил трубку. Через пять минут он вышел из подъезда в длинном пальто, накинутом на домашний халат, сунул водителю в опущенное стекло водительской двери пачку сотенных банкнот. Климов с трудом выбрался из продавленного сиденья жигулей, хлопнул дверью и поплелся в подъезд вслед за Саней. После прогретого салона автомобиля он еще острее почувствовал холод сквозь промокшие насквозь джинсы и летние мокасины, и невольно ускорил шаг, желая как можно скорее оказаться в теплой квартире. Когда дверь подъезда захлопнулась, преграждая путь стилому осеннему воздуху, Климов почувствовал, что почти согрелся.

Саня, так же, как и Климов, жил в доме сталинской застройки, но гораздо шикарнее, построенном для каких-то номенклатурных работников. Квартира досталась ему в наследство от вдового бездетного дяди по отцовской линии, занимавшего партийную должность. Подъезды – просторные, с давно не крашеной, пыльно-серой и в узорах паутины лепниной

под потолком и огромными, полуслепыми от многослойной грязи окнами – больше хотелось назвать парадными на петербургский манер. В большом лифте, который, впрочем, сейчас не работал, кое-где сохранилась отделка красного дерева. Приятели поднялись пешком на четвертый этаж по широкой лестнице, и Саня открыл ключом высокую двустворчатую дверь своей квартиры. Верный себе, он не захотел ставить обычную металлическую дверь вместо старой, и, хоть и с превеликим трудом, но нашел контору, которая согласилась сделать имитацию той двери, что была раньше. Саня вообще считал, что историю нужно хранить, в чем бы она ни заключалась: в предметах быта, книгах, фотографиях, мебели или коврах. Поэтому очень берег дядину обстановку, благо бывший владелец квартиры был человеком с большим вкусом. То, что сохранить не удавалось, как, например, входную дверь, Саня восстанавливал как можно ближе к оригиналу. Единственное, что он поменял без сожаления – бытовая техника и телевизор. Саня был сибарит и обожал жить с комфортом. Климов считал это чудачеством и пустой тратой денег, но каждый раз, бывая в не по-советски роскошном интерьере, испытывал смешанное чувство зависти и восхищения. Однако сегодня ему было не до восторгов.

Саня вошел первым, снял пальто, принял куртку у Климова и оглядел друга, стоящего перед ним в порванной в нескольких местах со следами крови футболке, мятых мокрых джинсах и окончательно раскисших мокасинах.

– Мда... – протянул он. – Хорош.

Климов зябко передернул плечами, с трудом согреваясь.

– Попить бы чего горяченького, – сквозь зубы произнес он.

– Горяченькое в твоей ситуации очень желательно соединить с горячительным, – задумчиво сказал Саня. – Пойдем, я дам тебе что-нибудь переодеться, умойся, а я пока подумаю, чем мы будем тебя согревать.

Через пятнадцать минут они сидели на кухне за большим столом и пили приготовленный Саней грог. Климов, одетый в пушистый теплый халат и огромные шерстяные носки, обхватил обеими руками стакан и прихлебывал обжигающий напиток, поеживаясь и крикая. Саня сидел напротив, подперев голову рукой, и ждал, пока Климов окончательно отогреется.

– Ну? – наконец не вытерпел историк. – Мне жутко любопытно, в какую историю ты вляпался.

Климов отхлебнул глоток, откинулся на высокую спинку стула и посмотрел прояснившимся взором на друга.

– Сань, я не знаю, поверишь ли ты мне, – начал он. – Все это очень странно. Я начинаю думать, что схожу с ума.

– Ну не томи, – закатил глаза Саня. – Что за манера начинать с длинных предисловий? Расскажи все по порядку, после решим, сумасшедший ты или нет.

Климов вздохнул и начал рассказывать все, что приключилось с ним после их недавней совместной посиделки в «Пороховой бочке» у Вадика. Саня слушал не перебивая. Когда Климов закончил, он после некоторой паузы произнес:

– Все это действительно очень странно. Я не верю в мистику, ты знаешь, и больше склоняюсь к тому, что у тебя очень расстроена нервная система. Работа, развод, Татьяна с любовником и претензиями на твою квартиру... Есть от чего поехать крыше.

– Сань, можно, я у тебя поживу пару дней? – перебил его Климов.

– Поживешь? – удивленно поднял брови Саня.

– Пожалуйста, – попросил Климов и в его глазах появилось какое-то детское просящее выражение. – Не могу я там один оставаться. Немного приду в себя и вернусь домой.

– Ладно, – пожал плечами Саня, продолжая недоумевать. – Неужели галлюцинации могут так сильно напугать?

– Ты себе не представляешь, как, – сказал Климов. – Говорю же, не помню, как из дома ушел.

– Ну и дела... – вздохнул историк. – Живи. Но с условием: завтра ты поищешь специалиста по мозгам и обязательно в ближайшее время сходишь к нему на консультацию.

– Это непременно, – кивнул Климов. – Но у меня еще одна просьба: ты не мог бы съездить ко мне и привезти кое-какие вещи?

Саня махнул рукой:

– Иди спать, невротик. Завтра выходной, утром встанем и поговорим. Если будет такая необходимость – съезжу, конечно. Кто еще поможет тебе, дураку?

– Спасибо тебе! Ты да Толстый – единственные, кто у меня есть, – чуть не прослезился Климов и привстал, чтобы обнять Саню. Тот ворчливо отстранился, явно стесняясь сентиментального чувства, которое вызвала у него последняя фраза Климова, и ушел стелить гостю постель.

Через несколько минут измученный дизайнер уже крепко и спокойно спал в крошечной темноте под большим пуховым одеялом на диване в большой гостевой комнате. Тяжелые бархатные шторы на огромные, в полстены, окна, опустил заботливый Саня, чтобы солнечный свет не помешал другу выспаться: на город медленно надвигался рассвет следующего дня.

Климов проснулся поздно и довольно долго соображал, где он и почему здесь оказался. Из кухни донесся запах кофе, к которому примешивался запах жареных на сковороде яиц и тостов. Бубнил телевизор: Саня готовил завтрак и смотрел новости. Климов потянулся, потом решительно скинул одеяло и быстро вскочил. Он выспался и чувствовал себя вполне сносно; наскоро приняв душ, прошел на кухню. На столе его ждала тарелка с глазуньей из двух яиц, несколько тостов и большая кружка с кофе. Саня уже доедал свою порцию яичницы.

– Привет! – с набитым ртом поздоровался он. – Как спалось?

– Отлично, Сань, спасибо тебе большое. Я выспался, как в детстве, – улыбнулся Климов.

– Садись завтракать, все остыло уже, – сказал Саня.

Климов подвинул стул, чтобы тоже видеть телевизор, и принялся за яичницу. Дикторша, симпатичная брюнетка с короткой стрижкой, что-то бубнила про очередное техногенное происшествие где-то на Кузбассе. Климов обратил внимание на зеленый значок ГТВ в углу экрана и поморщился.

– Ты смотришь эту гадость? – спросил он Саню.

– Что ты имеешь в виду? – переспросил тот.

– ГТВ. Более поганого телеканала я не знаю, – сказал Климов. – Ты же вроде умный человек... – Он немного подумал и добавил: – Ты вырви эту кнопку из пульта совсем. Соблазна смотреть не будет.

– Я смотрю только новости, – пожал плечами Саня.

– Тебя интересуют убийства незащищенных граждан, грабежи пенсионеров, изнасилования малолетних? – усмехнулся Климов. – У них даже новости дурно пахнут.

– Не все, – улыбнулся Саня. – У них бывают интересные сюжеты.

– Как знаешь. Но я предупреждаю: от просмотра ГТВ мозг размягчается до жидкого состояния и может вытечь из головы, – с серьезным видом произнес Климов.

– Буду знать, – захохотал Саня. – Если хочешь, давай переключим.

– Давай, где пульт?

Пульт, как назло, куда-то подевался. Климов вздохнул и пошел переключить канал вручную. Дикторша, глядя бесстрастными серыми глазами, ровным поставленным голосом говорила: «Сегодня исполняется ровно шестьдесят лет со дня таинственной гибели села Ковалевка в Вологодской области. Наш корреспондент побывал на месте событий». И на экране появилась та самая фотография, которая вчера пришла на электронную почту Климова. Он остолбенел. Корреспондент, амбициозный мальчик с нарочито неторопливыми движениями и характерным для нереализованных людей значительным выражением на лице, вещал: «Мы находимся на том самом месте, где шестьдесят лет назад произошла ужасная трагедия. Все жители села

Ковалевка необъяснимым образом погибли за одну ночь. Не осталось в живых никого, мертвыми нашли даже скот и домашнюю птицу. В Советском Союзе о трагедии умолчали и поставили забыть, но теперь настало время рассказать правду, ибо умершие достойны памяти».

– Чего ты уставился? Переключай, – подал голос Саня. – Теперь-то явная ерунда началась.

– Погоди, я посмотрю, – изменившимся голосом, не отрывая глаз от экрана, боясь пропустить хоть слово, сказал Климов.

Корреспондент бродил по проселочной дороге рядом с останками деревни, сплошь заросшей высокой травой под небольшим слоем снега, и деревьями с уже полностью облетевшей листвой. От деревянных домов не осталось ничего, кроме полуразвалившихся печей, каменные дома были без крыш и окон, но стены, хоть и с облупившейся штукатуркой и обнажившейся кирпичной кладкой, еще стояли. За домами, так же, как на фотографии, торчали выморочные деревья с кривыми ветками и чахлыми стволами.

«Болото, которое мы видим за деревней, – рассказывал корреспондент, – часть того самого печально знаменитого Череповецкого болота. Оно лежало между реками Шексной и Ягорбой, по обеим сторонам реки Кономы, начиналось от самого города Череповца, тянулось к северу приблизительно на 50 километров и занимало площадь в общей сложности приблизительно 150 квадратных километров. Эта местность малоизучена, и в настоящее время считается одной из аномальных зон. Согласно статистике, собранной в позапрошлом веке, в населенных пунктах, прилегающих к болоту, и в самом Череповце численность самоубийств и психических заболеваний была примерно в 3-4 раза выше, а преступность – в 9 раз выше, чем в среднем по России. Причем самоубийцы лишали себя жизни, преимущественно разможив себе голову. Ходили невероятные слухи о том, что на болоте живет некое существо, которое жутко воет по ночам, заманивает в топи и убивает неосторожных путников. Другие утверждали, что болото и есть то самое живое существо. Некий лекарь Грязнов, живший в Череповце и занимавшийся лечением людей, «пораженных болотом», отправил пробы торфа в научную лабораторию Петербурга, чем немало озадачил тамошних ученых: в пробах они обнаружили множество редкоземельных элементов, практически не встречающихся на Земле. Предположили даже, что загадочные свойства этой местности – результат падения метеорита в глубокой древности. Однако приблизительно в 20-30 годы двадцатого века болото необъяснимым образом замолчало и никак не проявляло себя. В настоящий момент оно по большей части пересохло, на месте бывших топей теперь располагаются дачные общества. Местные жители не чувствуют никакого ужаса перед череповецким болотом, так же, как и современная статистика не говорит об аномально высоком уровне преступности и самоубийств на территории череповецкого района. Последнее необъяснимое явление, случившееся в этих краях, – гибель села Ковалевка». Молодой человек рассказывал о расследовании, которое было предпринято после произошедших в селе событий, но ни к чему не привело. Архивные документы содержали большое количество отчетов, заключений врачебных, судебных, технических и прочих экспертиз, но ни к какому выводу комиссия, которая занималась расследованием, так и не пришла. Получалось, что люди и животные как будто выключились – перестали жить и дышать. Ни признаков отравления, ни заболеваний, ни инфекций – ничего, ни единой зацепки, которая бы позволила внятно и рационально объяснить этот феномен. Расследование было закрыто из-за отсутствия состава преступления, все случившееся списали на эпидемию неизвестной болезни, документы сдали в архив, засекретили и забыли о них. Авторы сюжета опросили старожилов из соседних поселков, но никто ничего внятного вспомнить не смог. Только одна древняя старуха рассказала: «Темное это дело, ребятки. Ковалевка прямо на болоте стояла. Никогда там никто не селился. Проклятые места. Мне еще бабка моя рассказывала, что скотина пропадала и люди, если случайно забредали туда. А в Советском Союзе разве стариков кто слушал? Приказали – местность осушить и лен выращивать, деревню поставить. Сигналили народ. Старались-стара-

лись, а все без толку: осушили только часть из того, что хотели. Урожаев хороших не было, земля не родила, и на скот падёж нападал частенько. А потом и люди пропали ни за грош». «Вы помните, что было в ту ночь, когда село погибло?» – спросил корреспондент. «Чего ж не помнить? Помню», – охотно ответила старуха. – «Мы тогда свекровь похоронили, Царство ей Небесное. Хороший человек была. С кладбища приехали, поминки справили, спать легли. А ночью ураган налетел такой, каких и не бывало у нас никогда. Думали, крыши посрывает, сарай повалит. Но обошлось. А над Ковалевкой марево красное стояло, как будто горела деревня. Из-за ветра никто к ним на помощь прийти не смог. Только утром мужики наши поехали – и никого живого не нашли. Что за марево то было – не знаю. Потом приехала милиция, скорая помощь из райцентра, Ковалевку оцепили, а нам строго-настрого болтать запретили. Вот мы и молчали».

Дальше корреспондент понес какую-то ахинею о духах, аномальных зонах, темной энергетике и разломах земной коры. Климов слушать перестал и тупо уставился куда-то в угол.

– Андрюх, с тобой все в порядке? – осторожно спросил Саня.

– У тебя компьютер работает? – вместо ответа сказал Климов, не оборачиваясь.

– Да, а что? – не понял Саня.

– Ты внимательно смотрел последний сюжет? – спросил Климов.

– Пришлось посмотреть, ты же не переключил, – продолжал недоумевать Саня. – Да ты объясни, в чем дело!

– Пойдем, сейчас сам все поймешь, – сказал Климов и вышел из кухни. Саня последовал за ним, по пути нажав кнопку «выключить» на панели телевизора.

Когда он вошел в комнату, Климов уже сидел перед монитором и нетерпеливо барабанил пальцами по полированной поверхности стола, ожидая, когда загрузится компьютер. После того, как проиграла приветственная мелодия, быстро щелкнул курсором мыши на окошко браузера, набрал нужный адрес, вошел на свою электронную почту, открыл последнее письмо с вложением, и Саниному удивленному взгляду предстала фотография Ковалевки.

– Этот файл я получил вчера по электронной почте. С выключенным доступом в интернет, – сказал Климов. – А ночью ко мне пришла Ведьма и произнесла те же слова, что и в письмах, которые захлामीли мне весь ящик.

Саня долго молчал, потом задумчиво произнес:

– Ты знаешь, я материалист. У тебя есть какое-то внятное объяснение?

– Мне пришла в голову одна мысль, – сказал Климов, внимательно глядя перед собой. – Эта деревня со своей историей и существом, что ко мне приходило, связаны самым непосредственным образом. Кажется, она, эта ведьма, что-то хотела мне сообщить. Но что – я никак не могу понять.

– Допустим, – с сомнением сказал Саня.

– Мне нужна информация о Ковалевке, – обернулся к нему Климов. – И как можно больше. У меня ощущение, что пока я не докопаюсь до истины, чудовище, которое я нарисовал, меня в покое не оставит. Поможешь мне? – обратился он к другу.

– Прости, Андрюх, но я не могу поверить в то, что эти события – не случайные совпадения, связавшиеся в твоём больном воображении. Мне кажется, тебе нужнее специалист по головам... – начал Саня.

Климов вскочил и в волнении забегал по комнате.

– Согласен, звучит невероятно, но я не сумасшедший. Теперь, после передачи, я в этом убедился. Слишком многое сходится, понимаешь? Все завязано на этой фотографии, на этой деревне...

– Что именно сходится, по твоему мнению? – нетерпеливо перебил его Саня. Он сел, жестом пригласил сесть Климова, а после того, как тот подчинился, подвинул свое лицо ближе к нему и продолжил более спокойным голосом. – Давай рассуждать логически. Ты нарисо-

вал некоего злого персонажа, который потом несколько раз, по твоим собственным словам, являлся тебе в твоей квартире. Ты можешь точно сказать, что тебе это не снилось?

– Слушай, давай я тебе все объясню еще раз, – начал Климов, но Саня остановил его.

– Я не закончил. Ответь на вопрос.

– Нет, у меня нет уверенности, что я не спал в тот момент, когда ее видел, – сдался Климов.

– Вчера твой компьютер был завален письмами, похожими на спам. Ты открыл хоть одно?

– Ну... Я не помню, – замялся Климов. – Кажется, первое открыл... Но там не было никаких вложений, ничего такого, что могло бы быть дистрибутивом вредоносной программы!

– Ты как будто из 90х годов, – усмехнулся Саня. – Нынешние компьютерные вирусы умеют распространяться от обыкновенного клика мышью, это всем известный факт. Открыл? Сам виноват. Вот тебе объяснение второго «загадочного» феномена.

– Допустим, – сказал Климов. – А как ты тогда объяснишь фотографию, которая пришла мне в одном из этих писем? И то, что Ведьма говорила то же самое, что было в письмах?

– Проще простого, – ответил Саня. – Спам просто совпал с передачей, такое случается. Потом твой переутомленный мозг, пытаясь переработать информацию, подкинул тебе твою ведьму со словами, которые ты уже видел в корреспонденции. Я считаю, искать в этом какие-то общие смыслы с твоими кошмарными снами – паранойя чистой воды.

Климов уронил голову на руки. Он не мог не согласиться с Саниной версией. Опровергающих аргументов у него не было, но внутреннее чутье подсказывало, что прав именно он, Климов, а не логичный и хладнокровный Саня. Он поднял на Саню измученные глаза.

– Сань, ты мне друг? Поверь, пожалуйста, – попросил Климов. – Просто поверь.

– Я хочу, чтобы ты нашел хорошего психолога, – настаивал на своем Саня.

Климов понял, что пытаться спорить дальше бессмысленно и небезопасно: Саня и так видел в нем не слишком здорового психически человека.

– Хорошо, – после некоторой паузы согласился он. – Я найду психолога. Но могу я попросить тебя хотя бы поискать информацию об этой деревне?

– Ты задал сегодня очень верный вопрос: друг ли я тебе, – сказал Саня. – На него я могу ответить только утвердительно. Поэтому не обижайся, потакать твоему бреду я не хочу и не буду. Я по-прежнему уверен, что тебе необходима профессиональная помощь, а не какие-то сомнительные отчеты о непонятной деревне. Может, ее и вовсе не существовало, а ГТВшники выдумали эту историю от начала до конца.

– Я сделаю так, как ты скажешь, – вздохнул он. Как всегда, когда он сильно уставал, ему захотелось перекурить. – А где сигареты?

– У меня в доме не курят, – напомнил Саня. – И вообще, если ты все еще собираешься пожить у меня, как мы вчера договорились, забудь на это время, что ты свинья.

– Я чисто плотен, как санитар хирургического отделения! – обиженно произнес Климов. – А ты – грубиян и хам.

– Ты, санитар, учти, что здесь слуг нету. Курить в доме запрещено. Раскидывать вещи, как ты привык у себя дома, – строго возбраняется. Не убирать посуду за собой – недопустимо. А то выгоню, – предупредил Саня. – Иди, на кухне тебя ждут твои грязные фарфоровые друзья: тарелка и кружка.

– Ты деспот, тиран и страшный зануда, – вздохнул Климов, подчиняясь. – Не удивлен, почему ты до сих пор так и не женился. Кто в здравом уме это выдержит?

После приведения кухни в прежний сияющий вид друзья оговорили свои планы на день. Несмотря на то, что Климов чувствовал себя не в пример лучше вчерашнего и даже был готов съездить за вещами, было решено отправить Саню: климовские мокасины раскисли настолько, что носить их стало невозможно, а Саня носил обувь на три размера меньше. Климов быстро набросал список того, что могло ему понадобиться, и Саня уехал, напоследок поручив Кли-

мову приготовить что-нибудь на обед. Климов обнаружил в морозилке куриную тушку, недолго думая вытащил ее на стол размораживаться и убежал к компьютеру: ему не терпелось начать поиски. По-прежнему было жутковато, но теперь стало интересно.

Мировая паутина выдавала нужные Климову сведения крайне неохотно. В основном это были ссылки на сайты всевозможных доморощенных экстрасенсов, колдунов, белых и черных магов, исследователей потустороннего, которые переписывали друг у друга одну и ту же статью о Череповецком болоте. Ее же старательно пересказал и корреспондент с ГТВ. Ковалевка упоминалась в Википедии на страничке, посвященной Вологодской области и сайте, посвященном заброшенным и вымирающим населенным пунктам европейской части России. Климов узнал, что село было основано в 30-е годы двадцатого века по заданию местной партийной ячейки и было названо в честь первого председателя колхоза Владимира Ивановича Ковалева. Сам Ковалев никогда сельским хозяйством не занимался, зато было верным партийцем, состоявшим в коммунистической партии еще до революции. В начале тридцатых, когда начал понемногу набирать оборот всесоюзный террор, в первую очередь выкосивший старой закваски коммунистов, Ковалев по непонятной причине уцелел и отделался тем, что был направлен «поднимать сельскохозяйственный сектор на Вологодчине». Проект был амбициозным: коммунисты хотели осушить часть болота и использовать освободившиеся земли под пашни. Председатель очевидно хотел выслужиться, и взялся за дело с рвением. Он не жалел ни техники, ни людей, но ничего не выходило. Трактора и грузовики частенько тонули в топкой трясине, люди болели. А потом началась Великая Отечественная, и вновь образованному колхозу стало не до мелиораций. Отвоеванную у болота землю после войны использовали для выращивания льна, а в начале пятидесятых поселка не стало. «Вероятно, причиной трагедии в Ковалевке явился какой-то неизвестный науке микроорганизм, способный убивать людей и животных необъяснимым с точки зрения современной науки образом», – писал автор одной из статей. Другие о причинах гибели села не сообщали вообще ничего. Как ни бился Климов, больше никакой информации получить не удалось.

Через три часа вернулся Саня со спортивной сумкой, доверху забитой вещами Климова. Растаявшая куриная тушка лежала в несоразмерной ей, слишком маленькой тарелке, отчего на столе образовалась красная лужица, мелким ручейком стекавшая по дверце дорогого кухонного гарнитура на пол. Саня заглянул в кухню, увидел сотворенное Климовым безобразие, и обозлился.

– Эй, мистик хренов! – крикнул он в комнату. – Мы же договорились, что к моему приезду обед будет готов?

Климов вышел навстречу, виновато улыбаясь и приглаживая левой рукой всклокоченные волосы.

– Я заработался.

– Я тебя выгоню к чертовой матери, – зашвыривая сумку с климовским барахлом в угол, пригрозил Саня. – Марш на кухню, дармоед! И чтоб через полчаса обед был на столе!

Он со злобой содрал с себя пальто и ботинки, ушел в свою комнату и закрыл дверь, чего обычно не делал. «Плохой признак», – вдохнул про себя Климов и поплелся на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.